

Господи боже, выдалась же неделька!

Четырнадцать ограблений, три изнасилования, поножовщина на Кулвер-авеню, тридцать шесть квартирных краж, да еще дежурку решили покрасить!

Само собой, дежурке это не помешало бы.

Спроси кто детектива Мейера Мейера, он бы первым сказал, что дежурку давно уже пора покрасить. Двух мнений тут быть не может. Но согласитесь, разве со стороны городских властей это не идиотизм — красить полицейский участок именно сейчас, в начале марта, когда на улице зябко, промозгло, сыро, противно, батареи еле греют. Из-за этого окна приходится держать закрытыми крепко-накрепко. А тут еще воняет скипидаром, под ногами постоянно крутятся двое маляров, которых на пушечный выстрел не подпустили бы к Сикстинской капелле.

— Прошу прощения, — обратился к детективу один из маляров, — вы не могли бы это передвинуть?

— Что «это»? — осведомился Мейер.

— Ну, это вот, — показал рукой маляр.

— «Это вот», — едва сдерживаясь, ядовито произнес Мейер, — если хотите знать, наша картотека. К вашему сведению, в ней содержатся данные на всех

преступников и бедукуров нашего района. Бесценная штука для всех детективов участка, которые, да будет вам известно, трудятся в поте лица.

— Кто бы мог подумать, — буркнул маляр.

— Ну так как? — осведомился его коллега. — Он его двигать будет или нет?

— Вам надо, вы и двигайте! — отрезал Мейер. — Вы маляры, это ваша работа.

— Еще чего, — возразил первый маляр, — мы вам не грузчики.

— Мы только красим, — поддержал товарища второй маляр.

— Я тоже не грузчик, — парировал Мейер, — я детектив, моя работа — преступников ловить.

— Не хотите двигать шкаф, не надо, — промолвил первый маляр, — мы его весь краской перемажем. Будет у вас шкаф зеленым.

— Так прикройте его пленкой, — посоветовал детектив.

— Мы ее уже всю израсходовали на вон те столы, — пояснил второй маляр, — больше у нас нет.

— Ну почему я вечно становлюсь героем какого-то эстрадного шоу? — вздохнул Мейер.

— Чё? — не понял первый маляр.

— Умничает, — объяснил ему напарник.

— Значит, так, шкаф с картотекой я двигать не буду, — заявил Мейер, — я вообще ничего двигать не собираюсь. Вы нам и так всю дежурку засрали. В этом бардаке ничего найти нельзя. Тут неделю после вас убираться надо.

— Мы делаем работу тщательно, — ответил первый маляр.

— Кроме того, мы к вам не напрашивались, — добавил его коллега. — Думаете, нам так нравится заниматься здесь этой пачкотней? Неужели считаете,

что это интересно? Да если хотите знать, это тоска смертная!

— Правда? — хмыкнул Мейер.

— Да! — запальчиво произнес второй маляр.

— Скучотища, — покивал его товарищ.

— Судите сами, что тут интересного? Нам надо все выкрасить в светло-зеленый цвет. Потолок — в светло-зеленый, стены — в светло-зеленый, лестницу — в светло-зеленый. Страсть как увлекательно, аж дух захватывает. Вот на прошлой неделе была у нас работенка на рынке, что на Кансил-стрит, — вот это другое дело!

— Такой интересной работы у нас вообще никогда раньше не было, — кивнул второй маляр. — Каждую лавочку на рынке надо было выкрасить в свой цвет. Для каждой лавочки свой мягкий пастельный тон. Вот это я понимаю — интересное занятие.

— А здесь, у вас, нам дали не работу, а ерунду какую-то, — промолвил первый маляр.

— Скука смертная, — согласился его товарищ.

— И все равно шкаф я двигать не буду! — отрезал Мейер, и тут зазвонил телефон. — Восемьдесят седьмой участок, детектив Мейер.

— Да ну? Неужели сам Мейер Мейер собственной персоной? — осведомился голос на другом конце провода.

— Кто это?

— Нет уж, сперва позвольте уточнить, я и вправду говорю с самим Мейером Мейером?

— Да, это сам Мейер Мейер, — вздохнул детектив.

— О господи, мне кажется, я сейчас упаду в обморок...

— Слушайте, кто...

- Это Сэм Гроссман.
- Привет, Сэм, чего... — начал было Мейер, но ему не дали договорить.
- У меня нет слов, чтобы описать, как я рад перемолвиться словечком с такой знаменитостью, как ты, — промолвил Гроссман.
- Да неужели?
- Клянусь!
- Слушай, в чем дело? — нахмурился детектив. — Я что-то ничего не понимаю.
- Ты хочешь сказать, что еще ничего не знаешь? — ахнул Гроссман.
- Ничего. А что такого я должен знать? — осведомился Мейер.
- Уверен, ты все сам скоро выяснишь.
- Больше всего на свете я ненавижу загадки, — признался детектив, — может, все-таки скажешь, о чем речь, и сэкономишь мне кучу времени?
- Размечтался, — хмыкнул Гроссман.
- Вот только тебя мне сегодня не хватало, — вздохнул Мейер.
- Ладно, вообще-то я звоню насчет мужского пиджака сорок восьмого размера из шотландки в красно-синюю клетку. Анализ пятна на левом отверстии запрашивали?
- Запрашивали, — отозвался детектив.
- Есть чем писать?
- Ага. Давай, жги.
- Это не кровь и не сперма, — сообщил Гроссман. — Похоже, обычная грязь. Заляпался на кухне — жиром или маслом. Можем уточнить, чем именно. Оно вам надо?
- Нет.
- А чей пиджак-то? — любопытствовал Гроссман. — Подозреваемого в изнасиловании?

— Слушай, мы этих подозреваемых на этой неделе уже десятка три задержали, — посетовал Мейер, — а еще у нас два маляра.

— Чего? — не понял Гроссман.

— Ничего. Все, проехали. Никаких других новостей у тебя нет?

— Больше нет. Вы просто не представляете, мистер Мейер Мейер, какое огромное удовольствие я получил от общения с вами.

— Слушай, да что же, черт подери... — начал детектив, но Гроссман уже дал отбой.

Мейер Мейер несколько мгновений озадаченно смотрел на трубку, после чего водрузил ее обратно на телефонный аппарат. В глаза бросилась россыпь пятнышек краски, зеленевших на черной пластмассе.

— Кретины безрукие, — прошипел под нос Мейер Мейер.

— Чего? — переспросил один из маляров.

— Ничего.

— Мне показалось, вы что-то сказали.

— Слушайте, ребята, вы, вообще, в каком отделе работаете? — поинтересовался Мейер Мейер.

— Коммунального хозяйства, — отозвался первый маляр.

— Ремонтно-эксплуатационное управление, — добавил второй.

— Где вас носило прошлым летом? Вот когда надо было тут красить! А сейчас все окна закрыты.

— Ну, закрыты, и что?

— А то, что здесь воняет! — возмутился Мейер.

— Здесь и до нас воняло, — возразил первый маляр, не сильно погрешив против истины.

Мейер с оскорбленным видом втянул ноздрями воздух и, повернувшись спиной к малярам, принялся

искать взглядом канцелярский шкаф, в котором хранились составленные на прошлой неделе протоколы о задержаниях. Создавалось впечатление, что шкаф просто испарился.

Мейер много чего не любил, но беспорядок он просто терпеть не мог, а в следственном отделе сейчас царил чудовищный хаос. Комната была битком забита стремянками, ветошью, строительной пленкой, газетами, открытыми и закрытыми банками с краской, чистыми и грязными кистями, банками со скипидаром, банками с растворителем, палочками для размешивания красок, образцами колера (все очаровательного светло-зеленого цвета), малярными валиками, палитрами, рулонами изоленты, рабочими комбинезонами, перепачканной мешковиной. Все это лежало, стояло (порой держась на честном слове), болталось, свисало, покрывало столы, шкафы, стены, полы, бутылки с питьевой водой, подоконники, не оставляя ни пяди свободного пространства. Вчера маляры едва не накинули строительную пленку на детектива Энди Паркера, который, по своему обыкновению, спал во вращающемся кресле, водрузив ноги на выдвинутый ящик своего стола. Мейер стоял посреди этого хаоса, олицетворяя собой памятник человеческому долготерпению, воплощением которого он, несомненно, являлся. Детектив был крепко сбитым мужчиной с ярко-голубыми глазами и совершенно лысой головой, ныне покрытой пятнышками светло-зеленой краски, о чем ее обладатель даже не подозревал. На его круглом лице застыла страдальческая гримаса, а плечи устало поникли. Он был в полном замешательстве, явно ощущая себя не в своей тарелке. «Ни черта нельзя найти. Что за бардак!» — в отчаянии подумал он, и тут снова зазвонил телефон.